

Lebedeva, Ljudmila

Концепт как инструмент сопоставительного описания семантики слова

Новая русистика. 2012, vol. 5, iss. 2, pp. [3]-12

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/125511>

Access Date: 04. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Людмила ЛЕБЕДЕВА
(Краснодар)

Концепт как инструмент сопоставительного описания семантики слова

The Concept as a Tool of Comparative Description of a Word's Semantics

The article substantiates the practical expediency of approaching the concept not only as the object of linguistic description, but also as a tool for the comparative study of the semantics of key words of a culture (by the example of the Russian *дом* and the Czech *dům*, considered as the names of the corresponding concepts).

Key Words: concept; comparative description; the word's semantics; the key words of culture

Термин «концепт» активно используется в разных сферах современного гуманитарного знания – в философии, логике, психологии, культурологии, социологии, становясь при этом многозначным. В расширительном значении – «инновационная идея, содержащая в себе креативный смысл» – он включается в рекламные тексты и выходит за рамки строго научного термина (*Одежда марки «Концепт Клуб»; Фабрика мягкой мебели «Концепт»; концепт-трениг; концепт мобильного телефона* и др.). Широкоупотребителен этот термин и в современных лингвистических текстах, прежде всего в тех из них, которые относятся к области когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Явная «размытость» термина «концепт» в метаязыке науки лишь отчасти преодолевается за счет его дискурсивных употреблений и атрибутивных характеристик: *социальный концепт, психологический концепт, гендерный*

концепт, эмоциональный концепт, концепт культуры и т.п. Уже одно это обстоятельство побуждает к уточнению содержания термина «концепт», входящего в разные терминологические поля, даже принадлежащие одной терминосфере, в частности, метаязыку лингвистики. Второй аспект содержательной интерпретации термина «концепт» связан с определением характера стоящей за ним сущности – онтологической или гносеологической, т. е. с решением вопроса о том, является ли концепт *объектом* научного исследования или его *инструментом*.

Сопоставим понятийную сущность термина «концепт», ключевого в терминосистемах когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Общим для когнитологов и лингвокультурологов в толковании термина «концепт» является его отнесение к ментальному миру человека (концепт обычно определяется как дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека), признание структурной организации концепта и его многомерности (сложноорганизованности), которая обусловлена многофакторностью окружающей человека действительности.

В то же время для когнитивной лингвистики концепт – это образование, «представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному предмету или явлению» [Попова, Стернин 2007, с. 9]. В представлении большинства когнитологов, концепты независимы от языка, «и только часть их находит свою языковую объективацию» [Кубрякова 1996, с. 92], поэтому ментальный лексикон, в котором составляющие его единицы связаны напрямую с языковыми формами как носителями определенных значений – лишь часть концептуальной системы [Кубрякова 1996, с. 95].

З. Д. Попова и И. А. Стернин различают структуру и содержание концепта. Структура концепта состоит из базовых структурных компонентов разной когнитивной природы: чувственного образа, информационного содержания и интерпретационного поля. Что касается содержания концепта, то оно образовано когнитивными признаками, отражающими отдельные признаки концептуализируемого предмета или явления, и внутренне упорядочено по полювому принципу – ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия. Принадлежность базовых структурных компонентов к той или иной зоне содержания зависит от яркости признака в сознании носителя соответствующего концепта. Так, информационное содержание концепта может принадлежать и к ядру, и к ближней периферии, и к другим зонам периферии, а признаки интерпретационного поля могут войти по яркости в ядро концепта и т. д. В целом описание структуры и содержания концепта представляет собой перечисле-

Концепт как инструмент сопоставительного описания семантики слова

ние когнитивных признаков, принадлежащих каждому из структурных или содержательных слоев концепта [Попова, Стернин 2007].

В лингвокультурологии структура концепта еще более многослойна. В большинстве случаев под концептом понимается «явление того же порядка, что и понятие», но отличающееся от понятия более сложной структурой: это «тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний» [Степанов, 2001: 43], который сопровождает слово – имя концепта и в котором «выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [Карасик, 2002: 129]. Наличие этих трех составляющих в структуре лингвокультурного концепта предполагает связь концепта не только с сознанием человека и его познавательной деятельностью, но и с культурой как национальной системой ценностей, обусловленной историей народа и его духовно-психическим складом (концепт «переживается!»), отраженными в языке. В. Н. Телия характеризует культурные концепты как «знаки национальной и шире – общечеловеческой культуры, освоенной народом – носителем языка» [Телия 1996, с. 215], таким образом подчеркивая этноспецифику концепта как знака культуры.

Семиотическая интерпретация лингвоконцепта как культурного знака, смысловая протяженность которого, в принципе, ничем не ограничена, континуальна, тем не менее предполагает некую его дискретность в формальном, языковом выражении. Лингвокультурный концепт (*лингвоконцепт*, в терминологии С. Г. Воркачева) – «это, прежде всего, вербализованный культурный смысл», и «через свое «имя», совпадающее, как правило, с доминантой соответствующего синонимического ряда, лингвоконцепт включается в лексическую систему конкретного естественного языка, а его место в последней определяет контуры его «значимостной» составляющей» [Воркачев 2007, с. 13–14].

В. В. Колесов отмечает, что «с философской точки зрения сущность концепта существует в понятии, осуществляясь в слове», и что «слово есть воплощение концепта (т.е. слово – *плоть, тело* концепта! – Л. Л.), та его форма, которая организует последовательность проявления концепта в виде образа, понятия и символа» [Колесов 2002, с. 107]. С. Г. Воркачев, развивая эту мысль В. В. Колесова, подчеркивает, что «лингвоконцепт характеризуется гетерогенностью и многопризнаковостью, принимая от понятия дискурсивность представления смысла, от образа – метафоричность, а от значения – включенность его имени в лексическую систему языка» [Воркачев 2007, с. 14]. Именно эта включенность дает лингвокультурологу основной инструмент для языковой материализации, «опредмечивания» концепта – через исследование синтагматики и парадигматики имени концепта, выявление его деривационных возможностей и способностей к семантическим транспози-

циям, установление его ассоциативных связей со словами иных тематических полей и групп на основе общих образно-метафорических коннотаций и т. д.

Однако лингвоконцепт сам может быть инструментом семантического моделирования. Это свойство концепта отмечает Л. О. Чернейко, заявляя о том, что «теоретической силой обладает понимание концепта как модели сложного содержания ключевых слов культуры», а такое понимание концепта и определяет синтагматику слова-термина «концепт»: «концепт не функционирует (как слово или язык), а применяется; будучи моделью, концепт *передает, отражает* содержание слова; в свою очередь, слова языка или единицы ментального лексикона *моделируются, рассматриваются* как концепты» [Чернейко 2010, с. 278]. Заметим, что сущностная двухплановость концепта отмечалась ранее и В. В. Колесовым: «Содержательные формы концепта, явленные в слове, суть аналитически представленный сам концепт, т.е. одновременно и *явление* сущности, и *анализ* сущности (выделено нами. – Л. Л.). Онтологическое и гносеологическое сливаются в самовыражении через семантическую глубину слова (знака)» [Колесов 2002, с. 396].

Практическая целесообразность подхода к концепту как модели ключевых слов культуры в наибольшей степени проявляется при обучении иностранным языкам, основной целью которого является формирование поликультурной языковой личности, обладающей готовностью к межкультурной коммуникации и способной ориентироваться в концептосфере как своего, так и чужого языка, выделяя универсальные или наиболее специфичные концепты (например, немецкий ORDNUNG, английский CORPORATE CULTURE, русские ДУША, СУДЬБА, ТОСКА) и обнаруживая лакуны на разных уровнях структуры соотносительных концептов. К подобному выводу приводит и сопоставительное описание семантики слов – русского *дом* и чешского *dům*, рассматриваемых как имена соответствующих концептов – ДОМ и DŮM.

Процедура описания концепта обычно представляется в виде следующих последовательных шагов: 1) дефинирование и выделение основных смысловых признаков; 2) контекстуальный анализ, в ходе которого выделяются ассоциативно связанные смысловые признаки; 3) этимологический анализ; 4) паремиологический (и фразеологический – Л. Л.) анализ, позволяющий выделить национальные стереотипы; 5) интервьюирование, анкетирование, комментирование [Карасик 2002, с. 131]. Каждый из этих шагов в конечном итоге позволяет определить семантическую многомерность слова, выступающего в роли имени концепта, а именно: 1) выделить его лексико-семантические варианты; 2) обозначить привычный (коллективно принятый) и индивидуально-авторский круг его употреблений; 3) выявить внутреннюю форму слова, исторически определившую его синтагматику и парадигматику; 4) выявить культурно-исторические смысловые приращения; 5) выявить ас-

Концепт как инструмент сопоставительного описания семантики слова

социативную ауру имени концепта в современном языковом сознании носителей языка.

Анализ словарной статьи толкового словаря помогает представить семантическую структуру лексемы – имени концепта и тем самым определить контуры понятийной составляющей концепта. Так, следующие толкования лексико-семантических вариантов русской лексемы *дом* формируют смысловое ядро концепта ДОМ: 1. Здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий. ... 2. Жилое помещение, квартира; жилье. ... 3. Семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством. ... // Хозяйство отдельной семьи. ... 4. Династия, царствующий род. ... 5. *чего* или *какой*. Культурно-просветительное, научное, бытовое и т.п. государственное учреждение, а также здание, в котором оно находится [МАС, т. 1, с. 425].

Понятийная часть концепта ДОМ при этом репрезентируется не только лексемой *дом* (собственно имя концепта) и ее экспрессивными вариантами *домок*, *домик*, *домишко*, *долина*, *домище*, но и рядом идеографических синонимов, в словарном толковании которых присутствует семантический компонент «дом – жилище»: *барак* – ,легкая постройка, предназначенная для временного жилья^с, *вилла* – ,богатая загородная дача или дом-особняк, обычно окруженный садом^с, *дворец* – ,здание, являющееся жилищем, постоянным местопребыванием царствующей особы, главы государства^с, *изба* – ,деревянный крестьянский дом^с, *лачуга* – ,небольшое убогое жилище^с, *палаты* – ,большое богатое здание с множеством комнат^с, *хата* – ,крестьянский дом в украинской, белорусской и южнорусской деревне^с, *халупа* – ,небольшая, бедная изба, хата^с, *хоромы* – в устаревшем значении ,большой жилой деревянный дом, обычно состоявший из отдельных строений, объединенных сенями и переходами^с и современное разговорное ,богатый большой дом, просторное помещение^с. Таким образом, семантика лексемы *дом* как доминанты синонимического ряда является обобщенной, инвариантной, уточняемой в процессе коммуникации с помощью языковых или индивидуально-авторских синонимов. Индивидуальные смысловые и коннотативные приращения можно наблюдать, например, в следующих контекстах, содержащих слово *домик* и его семантические эквиваленты:

а) *Литфонд выделил ей дачу в Комарове, дощатый домик, который она скорее добродушно, чем осуждающе, называла Будкой, как хатку под Одессой, где она родилась* (А. Найман. Рассказы о Анне Ахматовой) – сколоченный из досок домик-дача, такой маленький, что возникает ассоциация с будкой (для собаки?), у его хозяйки вызывает воспоминания об отчем доме – украинской хатке, тоже маленькой, поэтому здесь слова *домик* и *будка* семантически сближены и стилистически недифференцированы;

б) *Жили в типовых щелястых домиках, построенных специально для сезонников и прозванных почему-то «бунгало»* (Ю. Поляков. Апофегей) – экзотичное *бунгало*, как синоним «*щелястых домиков*», приобретает ироничную окраску.

Лексическими репрезентантами ядерной части чешского концепта DŮM могут быть как лексема *dům*, так и лексема *domov*. У первой из них имеются следующие словарные значения: 1) здание, жилище; 2) резиденция какой-либо организации, здание предприятия, а также составная часть их названий; 3) место, где человек родился; 4) семья, хозяйство. Эти значения обычно реализуются в следующих контекстах: 1) *obytný dům, dům U dvou slunců, Bílý dům*; 2) *kulturní dům, Obecní dům, obchodní dům*; 3) *děti už jsou z domu*; 4) *paní domu* [SSČ, s. 89]. У слова *domov* также выделяются по меньшей мере два значения: 1) место, где человек родился (русский эквивалент – *родина, малая родина*); 2) здание, предназначенное для совместного проживания (русские эквиваленты – *общежитие, интернат*). Ср.: 1) *lidé bez domova; touha po domově, Kde domov můj* (начальные слова чешского гимна); 2) *dětský domov, ušňovský domov, domov důchodců* [SSČ, s. 79–80]

Синонимический ряд чешской лексемы *dům* представлен словами *barák, chalupa, chata, chatrč, chýše, palác, vila (vilka)* и др. При их сопоставлении с однокоренными русскими словами обнаруживаются семантические различия. Так, чешское ***barák***, помимо значения «временное строение, предназначенное для проживания большого количества людей», имеет экспрессивные значения «старое, убогое строение» и «жилой многоквартирный дом» (с коннотацией пренебрежительности). Чешское слово *chata* имеет значения: 1) маленькое строение для временного пребывания или отдыха (*víkendová chata*); 2) строение в горах, отель для отдыхающих и туристов (*horská chata*) [SSČ, s. 130]. Эти значения соотносятся со значением русского слова *хата* – «крестьянский дом в украинской, белорусской и южнорусской деревне» [Даль 1979, т. 4, с. 593] лишь по ядерному компоненту семантической структуры – интегральной семе «дом-строение», однако совокупность дополнительных сем у чешского и русского слова не позволяет поставить между ними знак равенства, поскольку в семантике чешского слова отсутствуют «социальные» семы «крестьянский, деревенский» и территориальные «дом украинца, белоруса или жителя Юга России», а русское *хата* не эквивалентно чешскому *chata* в значениях «дача» или «туристическая база, приют». В русском молодежном жаргоне слово *хата* используется в значении «жилье, квартира». Ср.: *Ее покойный муж, инженер-электрик, работал в Таиланде и Вьетнаме и оставил ей хату в доме, где жил Эйзенхауэр, будучи сенатором. <...> У Аськи в хате было «все как у людей». Аськина одноконнатная квартира пыталась изобразить из себя спальню, гостиную и детскую одновременно...* (М. Арбатова. Визит нестарой дамы).

Концепт как инструмент сопоставительного описания семантики слова

С другой стороны, чешскому слову *chalupa* – «небольшое простое жилое (деревенское) строение (раньше: с малым наделом поля)» [SSČ, s. 129] соответствует русское *халупа* в основном значении – «небольшая, бедная изба, хата (первоначально на Украине и в Белоруссии)» [Даль 1979, т. 4, с. 591]. Однако чешское слово *chalupa* не имеет экспрессивных коннотаций, а русское *халупа* – это пренебрежительное наименование всякого убогого, неказистого жилища, строения, которое лишено всякой привлекательности. Таким образом, слова *chata* и *хата*, *chalupa* и *халупа* вызывают у чехов и русских разные представления, обусловленные разными реалиями жизни, и в известном смысле являются межъязыковыми семантическими лакунами.

Семантический компонент «дом – административное здание, резиденция какой-либо культурной или общественной организации» представлен в понятийной части как чешского, так и русского концепта, однако языковая репрезентация указанного компонента далеко не всегда совпадает. Так, полными эквивалентами являются выражения *дом культуры* и *kulturní dům*, *Белый дом* и *Bílý dům* (калька англ. White Hall) в значении «резиденция президента США», а в недавнем прошлом совпадающими реалиями были *Дом пионеров* и *Dům pionýrů*. В 90-е годы прошлого века в русской разговорной речи сочетание *Белый дом* было переосмыслено: сначала оно употреблялось лишь как название здания правительства Российской Федерации, а затем так стали именоваться и резиденции региональных администраций. Заметим, что модель наименования «цветовое прилагательное + слово *дом*» активно используется русским языком для обозначения административных зданий и учреждений: *Красный дом* – здание Моссовета, *Серый дом* в Краснодаре – здание Федеральной службы безопасности и др. Ср. также весьма распространенное в прошлом русское выражение *Желтый дом* «больница для душевнобольных, сумасшедший дом». Дом в выражении назван желтым по окраске Обуховской больницы для душевнобольных в Петербурге [Бирих 2001, с. 164].

Таким образом, ядерные части русского и чешского концептов в целом совпадают, однако эта зона русского концепта содержит дополнительный семантический компонент «династия, царствующий род» (*трехсотлетие царствования дома Романовых*, *глава дома Романовых*), представляющую культурную лауну для чешского коммуниканта; не совпадает и семантический объем других репрезентантов ядра концепта.

Смысловый объем понятийной части концепта дополняется различными прагматическими составляющими лексем-репрезентантов, их коннотациями и ассоциациями, а также субъективным опытом носителей языка, который в обобщенном виде отражен в устойчивых сочетаниях слов, во фразеологии и паремиологии, а также в прецедентных литературных текстах. Так, достаточно частотное употребление в русском и чешском пословично-поговороч-

ном и фразеологическом фонде названий элементов дома, таких как *угол*, *крыша*, *порог*, *дверь* и др., соответственно *kout*, *střecha*, *práh*, *dveře*, увеличивает круг лексем, репрезентирующих ассоциативно-образную составляющую концептов ДОМ и DŮM и, таким образом, расширяющих семантическую ауру лексем *дом* и *dům*. Ср.:

а) **дом – крыша**: *крыша над головой* (разг.) «жилье, пристанище, дом»; *под одной крышей (жить, находиться и т.п.)* (разг.) «в одном доме, в одной квартире»;

dům – střecha: *pod jednou střechou být, žít s kým; nemá vlastní střechu nad hlavou* (букв. «у него нет собственной крыши над головой», т. е. нет собственного дома);

б) **дом – угол**: *иметь свой (собственный) угол*;

dům – kout: *mít svůj (vlastní) kout/koutek/koutiček*;

в) (вход в) **дом – дверь, порог**: *захлопнуть двери перед кем; не пустить кого на порог* «не пустить кого-л. в дом»; *хлопнуть дверью* «уйти из дома (обычно после ссоры)»;

dům (vchod do domu) – dveře, práh: *u nás jsou vám vždy dveře otevřeny* «наши двери для вас всегда открыты»; *zavřít/zavírat dveře komu, čemu, před čím; vyprovodit ze dveří/od dveří koho; přibouchnout (zabouchnout) dveře před nosem komu* «не пустить в дом (кого, что)»; *bouchnout/prásknout dveřmi* «уйти из дома», *překročit práh* «переступить порог (т.е. войти в дом или выйти из дома)» и др.

С другой стороны, в произведениях художественной литературы могут быть сформированы индивидуальные и коллективно-авторские (у представителей одного художественного направления) представления о смысловом и ценностном наполнении того или иного концептуального пространства. Так, ДОМ в художественной концептосфере М. Цветаевой – один из ключевых концептов, и специфика семантического наполнения имени концепта состоит в том, что *дом* для поэта – это не только здание, жилище, семья, но и особый духовный мир, противопоставленный «антидому» – духовному опустошению, заброшенности, одиночеству; будучи вместилищем духовного мира семьи («духа дома»), дом в представлении поэта сам превращается в живое существо [Маслова 2004, Фещенко 2005]. Исследование текстов русских романсов приводит к выводу об ином образном приращении имени концепта: *дом* – мир чувств [Тимошенко 2007].

Что касается ценностной составляющей концептов ДОМ и DŮM, то важность этих концептов для каждого носителя языка и всего этноса несомненна. И для чехов, и для русских ДОМ и DŮM – ценностные доминанты, константы культуры, поэтому в семантике слов *дом* и *dům* присутствует коннотация положительной оценки.

Концепт как инструмент сопоставительного описания семантики слова

Таким образом, семантические глубины лексем *дом* и *dŭm* выявляются в полной мере при их представлении в качестве репрезентантов концептов ДОМ и DŪM, когда обнаруживается не только их смысловая соотнесенность, но и межкультурная лакунарность в их понятийной и образной структурах при совпадении ценностной составляющей.

В конечном итоге можно сделать вывод, что многозначность термина «концепт» в метаязыке лингвистики обусловлена не только тем, что он «обслуживает» разные направления современных лингвистических исследований, но и тем, что он может, с одной стороны, обозначать объект лингвистического описания фрагмента внеязыковой действительности, отраженной в коллективном сознании того или иного этнического сообщества, а с другой – быть инструментом описания этого фрагмента средствами языка.

Использованная литература:

- БИРИХ, А. К.: Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник. А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс 2001.
- ВОРКАЧЕВ, С. Г.: Любовь как лингвокультурный концепт. Москва: «Гнозис» 2007.
- ДАЛЬ, В. И.: Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. Москва: Русский язык 1979.
- КАРАСИК, В. И.: Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена 2002.
- КОЛЕСОВ, В. В.: Философия русского слова. Санкт-Петербург: ЮНА 2002.
- КУБРЯКОВА, Е. С.: Концепт. Концептуализация. Концептуальная система или структура. In: Краткий словарь когнитивных терминов. Под общей ред. Е. С. Кубряковой. Москва: Изд-во МГУ 1996, с. 90-95.
- МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. Москва: Русский язык 1981.
- МАСЛОВА, В. А.: Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой. Москва: Флинта, Наука 2004.
- ПОПОВА, З. Д., Стернин И. А.: Когнитивная лингвистика. Москва: «АСТ-Восток-Запад» 2007.
- СТЕПАНОВ, Ю. С.: Константы: Словарь русской культуры. Москва: Академический Проект 2001.
- ТЕЛИЯ, В. Н.: Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Школа «Языки русской культуры» 1996.
- ТИМОЩЕНКО, С. А.: Лексико-семантическая экспликация концепта ДОМ в русской фразеологии и художественных текстах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар 2007.

- ФЕЩЕНКО, О. А.: Концепт ДОМ в художественной картине мира М. И. Цветаевой (на материале прозаических текстов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск 2005.
- ЧЕРНЕЙКО, Л. О.: Концепт и дискурс: pro et contra. In: Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ, 20–23 марта 2010 г.): Труды и материалы. Москва: Изд-во Моск. ун-та 2010, с. 278.
- SSČ – Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha: Academia 1978.